

ДЕТСКИЕ КНИГИ В КРУГЕ ЧТЕНИЯ ВЗРОСЛЫХ

Екатерина Асонова

ТАБУ ИЛИ НЕ ТАБУ — ВОТ В ЧЕМ ВОПРОС!

В очерке представлено небольшое исследование отношения современных взрослых читателей детской литературы к таким темам, как изображение жестокости, смерти, физиологических отклонений, секса и телесности. Материал публикации позволяет судить о том, насколько неоднородной является сфера «запретного» в детском чтении: тема жестокости, реальных опасностей, с которыми сталкиваются дети и подростки, оказываются в слепой зоне общественного сознания и литературы, а воспринимающиеся зачастую как недопустимые для детского чтения темы смерти и телесного низа, напротив, широко обсуждаются в обществе и не являются табуированными. Автор очерка выделяет четыре сферы табуирования в тематике современной детской литературы, ранжируя их от мнимо табуированных до подлинно запретных, и размышляет о причинах, влияющих на это ранжирование. Материалом исследования послужили книги современных отечественных и зарубежных авторов, вышедшие за последние несколько лет. Это повести, романы, рассказы и книжки-картинки таких авторов, как О. Громова, У. Нильсен и Э. Эрикссон, У. Старк, М.-О. Мюрай, А. Фрид и Д. Гляйх, А. Белова и Д. Войцеховский, В. Хольцварт и В. Эрлбрух, А. Кивиряхк и др.

Ключевые слова: Табу в детской литературе, запретные темы в детской литературе, современная детская литература, физиология в детской литературе, сексуальность в детской литературе, политические репрессии в детской литературе, смерть в детской литературе.

Екатерина Андреевна Асонова
Московский городской педагогический университет
(ГАОУ ВО МГПУ), Москва
asonova_ea@mail.ru

Одним из заметных процессов в современной детской литературе и её характерной чертой является, на мой взгляд, переосмысление феномена «запретных тем» в детском чтении. Этот процесс многоаспектен и разворачивается в разных плоскостях: за минувшее десятилетие появились новые возможности родительских обсуждений в открытом доступе (социальные сети, чаты, комментарии к статьям, отзывы на страницах интернет-магазинов и т. д.); новейшая детская и подростковая литература предложила новые темы, переиздание произведений советской эпохи принесло новые прочтения и смыслы. Россия не имеет пока аналога традиции библиотекарей и книготорговцев США проводить «Неделю запрещенной книги», но и отечественные исследователи и практики все чаще обращаются к теме цензуры и запретов в детской литературе. Изучение этой сферы помогает оценить как общие тенденции развития рынка детской книги, так и направления в развитии общественного сознания. Ниже представлен квартет небольших заметок, объединенных темой табуированной проблематики в детской литературе.

Защита от вредной информации, или Изображение «жестокости»

В повести Ольги Громовой «Сахарный ребенок» есть сцена запредельной жестокости: охранник лагеря, строящегося силами ни в чем не повинных «членов семей врагов народа», лагеря избивает прикладом маленькую шестилетнюю девочку, которая протянула руку за колючую проволоку, чтобы сорвать тюльпан:

Я потянулась к цветку — чуть-чуть не достаю. Присев на корточки, я соображала, как и куда просунуть через проволоку руку, чтобы точно дотянуться. На меня упала чья-то тень. Я обернулась, улыбаясь во весь рот... и мне на голову обрушился удар прикладом. Я помню руку и приклад, а дальше — темнота. Время болезни я не помню. Из редких фраз, оброненных мамой спустя много лет, я знаю, что лежала недели три, что кровотечение останавливала одна из арестанток и она же «собрала» сломанные кости носа и челюсти, забинтовала, чем было, чтоб не смещались [Громова 2014, 31].

На мой взгляд, этот эпизод может иметь сильнейшее эмоциональное воздействие на читателя именно тем, что злодей в произведении не только не наказан, но и не осуждается. Он обезличен. И никто из героев на протяжении всей повести не осуждает исполнителей страшных приговоров. Объясняется этот прием автор-

ского умолчания просто — книжка обращена к детской аудитории, акцент смещен на то светлое, поддерживающее, что позволило выжить главным героиням. Нарратив подчиняется законам детского восприятия и памяти детства, которая вытесняет страшные образы и воспоминания о жестоком обращении. В этом и заключается важнейшая особенность детской литературы — умение рассказывать о мире с позиции ребенка.

Однако, когда я читала книгу Громовой, я невольно вспомнила вот о чем: в рекомендации по применению закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» от 29.12.2010 № 436-ФЗ говорится о том, что в произведениях для детей старше 12 лет возможны «эпизодические изображение или описание жестокости и (или) насилия (за исключением сексуального насилия) без натуралистического показа процесса лишения жизни или нанесения увечий при условии, что выражается сострадание к жертве и (или) отрицательное, осуждающее отношение к жестокости, насилию (за исключением насилия, применяемого в случаях защиты прав граждан и охраняемых законом интересов общества

или государства)»¹. Хочу обратить внимание на то, что слова, выделенные мной курсивом, ставят отечественного автора, пишущего о реалиях российской истории, в очень непростую ситуацию. Как, например, оценивать насилие, причиненное маленькой героине повести Громовой, с точки зрения государства, обрекшего её вместе с матерью на ссылку в лагерь? Действия охранника в этом эпизоде являются не его произволом, а продиктованы «защитой интересов государства». Мы смело можем осуждать государство Трех толстяков, но столь же смело осудить насилие, чинимое сотрудником НКВД, не получается. Его присутствие в жизни героев детской книги возможно изобразить только как своего рода стихийное бедствие. А осуждать этот персонаж, как и стоящую за ним реальную историческую фигуру, бессмысленно.

Можно ли назвать изображение темы политических репрессии в числе табу нашей детской литературы? Думаю, что можно. Роман-фэнтези «Дети ворона» Юлии Яковлевой (2016 г.), создающий мрачный сказочный образ инфраструктуры сталинских репрессий, воспринимается как продолжение традиции, начатой «Тремя толстяками» Юрия Олеши, «Лоскутиком и облаком» Софьи Прокофьевой или «Чиполлино» Джанни Родари. Табу на изображение политического, наследуемое из эзопова языка советской литературы, для автора, задумавшего сейчас написать реалистическое художественное произведение для младших подростков (12+) на материале истории XX в., трансформируется в «запрет» на изображение лиц, творящих насилие и жестокость. Слово «запрет» я беру в кавычки, потому что здесь действуют не столько жесткие правила цензуры, сколько начинается область непроясненных границ допустимого для изображения в детской книге: как детскому писателю объяснить поведение людей, поддерживающих преступные действия государства, до сих пор не признанные таковыми?

Совсем не табу

Выход книги Аллы Беловой и Бориса Войцеховского «Все делают это» (2018) поставил точку в труднейшей и интереснейшей проблеме присутствия в книгах для детей темы физиологических отравлений. С начала 2000-х гг. российский родитель (педагог, библиотекарь, депутат, другое) проходит все «стадии принятия» присутствия «какашек» в детских книгах: от отрицания до смирения. Открыли «неприличную» тему три книги, появившиеся на российском книжном рынке одновременно: «Приключения ка-

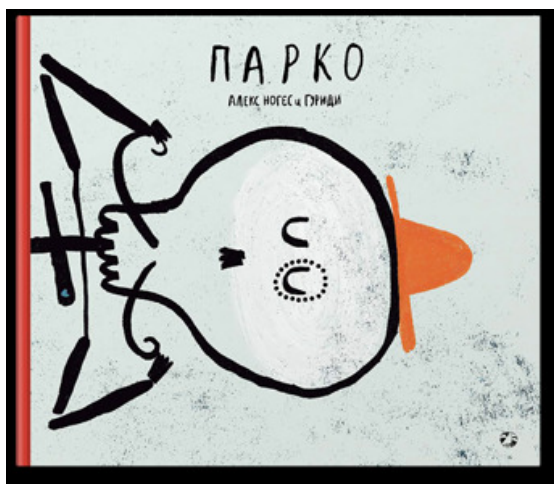
кашки» А. Сучковой (2012 г.), «Маленький крот, который хотел знать, кто накакал ему на голову» В. Хольцварта и В. Эрлбруха (2014 г.), «Весна и какашка» А. Кивиряхка (2010, 2015). Гнев и отрицание вызвала сама возможность совместить детское чтение и фекальную тему. Чуть раньше те же процессы протекали в литературе взрослой, связаны они были с борьбой движения «Идущие вместе»² против книг Владимира Сорокина. Раздувающийся скандал привлекал внимание самых разных читателей к этим книгам, возникали не только споры, но и разъяснения педагогов, психологов. Писательница Марина Аромштам, ведя беседу о книге «Маленький кротик, которому...», отмечает в публикации на сайте Папмамбук: «С одной стороны, „какашки“ — это область низкого (того, что „ниже пояса“) и табуированного. С другой стороны, „приучение к горшку“, т.е. внушение ребенку определенного отношения к отправлению своих физиологических нужд, — важнейший этап „очеловечивания“, социализации. Какашки — то, вокруг чего в жизни маленького ребенка происходит масса событий — и страданий, и побед. Они, что называется, „даны ему в ощущениях“, и ощущения эти нередко гипертрофированы. Еще с какашками связаны первые строгие запреты — запреты на манипуляции, например. И взрослые ведут себя, на взгляд ребенка, довольно сложно: то живо интересуются содержанием горшка, то показывают, что это неприлично и даже отвратительно. Непросто обстоит дело и с языком, описывающим функционирование нашего „телесного низа“: первые эвфемизмы, которые усваивает ребенок, связаны именно с этой областью: „поделать“, „сходить по-большому“, „сделать а-а“»³. С тех пор родительская общественность настолько сжилась с темой, что выход большого художественного альбома о газах в организме, в котором о вздутии и пукании рассказывают ироничный художник Алла Белова и физиолог Борис Войцеховский, была воспринята как норма. Все 18 отзывов, оставленные на сайте магазина «Лабиринт», — благожелательные. И это, на мой взгляд, говорит о том, что фекальная тема, превратившись на время из замалчиваемой в скандальную, теперь обрела свой реалистичный язык и воспринимается родительским сообществом конструктивно. Для моего небольшого исследования важно отметить, что эволюция темы в глазах российского читателя совершалась от воплощения её в жанре литературной сказки, где какашка становилась антропоморфным героем. Например, в книгах Сучковой и Кивиряхка, где герои наделяются человеческими чертами, желаниями, эмоциями. Обе сказки, без сомнения, созданы авторами с расчетом на про-

вокацию читающего, «проверку» границ допустимого. Небольшой рисованный альбом о кротике долгое время в российском сегменте воспринимался как китч — взрослая скабрзная шутка по мотивам «Кто сказал „мяу“?» Сутеева, так как до выхода книги на русском языке она была доступна взрослым читателям в сети, причем не в немецком оригинале, а на чешском языке. Намного позже стало известно, что книга эта нарисована Вольфом Эрлблухом как пособие для психологической работы с детьми младшего дошкольного возраста, имеющими затруднения с дефекацией, о чем и пишет для российского родителя М. Аромштам. Иными словами, ситуация с фекальной темой в детской литературе противоположна табуированию: не замалчивать, а учиться говорить прямо, спокойно, максимально конструктивно, осознавая роль детской книги в решении самых разных задач воспитания и развития ребенка.

Мнимое табу

«Покойся с миром!» — говорили ему. Неплохой рефрен для детской книжки-картинки! Признаюсь, я думала, что после прочтения повести «Самые добрые в мире» Ульфа Нильсона и Эвы Эриксон (2007), а также «А дедушка в костюме?» Амели Фрид и Джеки

Гляйх (2010) удивляться смелости и мудрости авторов, создающих для ребенка образ смерти, мне уже не придется. Но оказалось, что тема далеко еще не исчерпала себя. Испанцы Алекс Ногес и Гуриди создали своего «Парко» (2019) на основе мексиканской легенды. Их герой выходит из могилы, потому что односельчане очень шумят, проходит по всей деревне до собственного дома. В этот момент комическая история про скелет, гуляющий по улице, оборачивается лирическим печальным рассказом о том, как трудно расставаться с любимыми. Так легенда, отражающая веру человека в загробный мир, становится основой для современной детской книги о том, как образ умершего человека остается в нашей памяти.

Тема смерти для детской литературы, пожалуй, никогда не была табуированной. Гибель героев допускалась авторами с назидательными целями (погибают, например, нерадивые герои в сборнике жутковатых стихов про Степку-Растрепку Генриха Гофмана), с целью воспитать сострадание (как в повестях Лидии Чарской) или уважение к подвигу героя (в советской литературе о пионерах-героях). И тем не менее новейшая детская литература, рассказывающая о смерти как-то иначе, была встречена российским читателем настороженно, а то и в штыки. Табуированность этой темы, оказывается, заключалась не в запрете на обращение к сюжету о смерти в книге для детей, а в признании её органичной частью жизни. Для русской традиции детского чтения нормой было читать о гибели героев, заливаясь сентиментальными слезами, считать разбиваю-

щими сердце книги о Муму и Белом Биме с Черным Ухом, но никак не затрагивать вопрос о том, как живет тем, кто потерял близкого человека. Смерть мальчика на елке и девочки со спичками освобождает героев от горя, унижения, безысходности. Для детской литературы советского периода образ смерти связан с героикой подвига, славной гибелью за правое дело (не сдаваться врагу, спасать военную тайну, знамя полка и т. д.). После смерти героя ждет вечная память.

Пожалуй, одним из первых авторов, научивших российского читателя читать детские книги о смерти, стал Ульф Старк. Его герои готовы к встрече с собственной смертью. Дедушка в «Чудаках и занудах» (2008 г.), устраивает прощальную вечеринку, чувствуя приближение собственного ухода, маленький Ульфе в повести «Моя сестренка — ангел» (2007) изобретает ритуалы «общения» с умершим родственником и переодевается девочкой, чтобы «показать» своей погибшей еще до рождения старшей сестре прекрасный мир, в котором он живет.

Получается, что тема гибели героя или персонажа никогда не была под запретом в детском чтении, под «запретом» оказывались проживание горя, принятие потери, сама возможность говорить с ребенком не о факте смерти, а о жизни тех, кто остался, о чувствах и эмоциях, которые они испытывают в связи с потерей. И о том, что жизнь продолжается, а смерть является ее частью. Однако это читательское табу на произведения такого рода мнимое — на самом деле книги, рассказывающие о смерти главных или второстепенных героев языком, доступным читателю-ребенку, востребованы и у родителей, и у младших детей, и у подростков.

В первую очередь, под этот мнимый запрет попали книги для самых маленьких читателей, которые могли бы стать помощниками для родителей, обсуждающих вместе со своими детьми первый опыт столкновения со смертью (напр., малыш увидел погибшую птицу на прогулке и т. д.) Герои повестей «Самые добрые в мире» (2006), «Звезда по имени Аякс» (2009), «Прощайте, господин Маффин!» (2019) переживают потерю любимого питомца, со смертью близкого человека сталкиваются герои книги «А дедушка в костюме?».

Для младших подростков появились нежные и бережно относящиеся к чувствам читателя повести, рассказывающие о жизни семьи, в которой неизбежно происходят потери: это книги М. Парр «Вафельное сердце» (2011), А. Нанетти «Мой дедушка был вишней» (2010), Ю. Рихтер «Щучье лето» (2013).

В повестях «Беги и живи» (2018) Э. Бейртен и «Доклад о медузах» (2018) А. Бенджамин, «Как я теперь живу» М. Розофф, обращенных к уже старшим подросткам, авторы затрагивают тему глубокой потери, боль от которой может длиться очень долго и носить травматический характер. Героини этих книг на протяжении всего повествования переживают свое столкновение со смертью — травматическое воспоминание, внутренняя работа с принятием произошедшего становятся основой повествования.

Все названные выше произведения — переводные. Означает ли это, что российские авторы не пишут о смерти? За эту непростую для нашей литературной и культурной традиции тему берутся Екатерина Мурашова («Класс коррекции», 2004), Аделия Амраева «Я хочу жить» (2018), Андрей Жвалевский и Евгения Пастернак «Пока я на краю» (2016), Дарья Доцук «Голос» (2016), Лариса Романовская «Сиблинги» (2018), Анна Зенькова «С горячим приветом от Феклы» (2019) — эти и многие другие повести говорят с читателем о том, что такое потеря, ее проживание, как сохраняется память об ушедших близких.

Табу в России больше, чем...

Мы практически не найдем споров или скандалов в социальных сетях, на сайтах книжных магазинов, библиотек и прочих площадках, в центре которых оказывались бы книги для подростков, затрагивающие тему сексуальности и телесности в целом. Возможно, произведения на эти темы находятся вне актуального медийного поля, так как по-настоящему пугают взрослых. Практически все опасности, с которыми современный подросток может столкнуться в реальности: наркотики, тяжелые заболевания, сексуальное или семейное насилие оказываются в слепой зоне художественной литературы для детей и подростков в России. Российская дидактика пока только вырабатывает язык, чтобы говорить о таких сложных вещах с детьми. Крайне редко сегодня можно встретить дискуссию (во всяком случае, в рамках профессионального сообщества) об уместности сексуального просвещения в школе. А между тем для литературы эта сфера совсем закрытой не является — просто все — и издатели, и читатели стараются не привлекать к такой литературе внимание общественности. Язык сексуальной чувственности, телесности в детском чтении когда-то давно обеспечивали, например, романы Александра Дюма и арабские сказки, сегодня удивительным образом в ряд книг, адекватно описывающих

этот этап взросления, попадает «Дневник Анны Франк»⁴. Из современных подростковых произведений, откликающихся на тему телесности и сексуальности, обращу внимание на книжный сериал Мари-Од Мюрай «Спаситель и сын» (начало выхода сериала 2018 г.), в котором довольно тонко поднимаются темы идентичности, телесных практик. Отмечу, что достаточно широко различные вопросы, связанные с телесностью освещаются в книгах о правах женщин — таких как «Что мы празднуем 8 марта» С. Бурегрен и Э. Линделл (2017), «Свобода, равенство, сестринство» М. Бреен и Й. Юрдал (2019), особое место в ряду таких книг занимает энциклопедия Лены Климовой «Настоящая девчонка» (2019) как яркий пример высказывания на эту тему на русском языке. Но вернусь к анализу того, как описываются сексуальные отношения и проблемы гендерной идентичности в детской художественной литературе. Из русских авторов с большим уважением назову Дарью Вильке, которая первой поднимает в современной литературе, адресованной детям, тему сексуальной идентичности («Шутовской колпак», 2013), а также Андрея Жвалевского и Евгению Пастернак, выпу-

стивших в свет повести «Я бы на твоём месте» (2018 г.) и «Грабли сансары» (2019): и в том, и в другом произведении авторы ставят перед собой нелегкую задачу исследовать возможности беллетристики в изображении таких проблем современного общества, как внебрачная беременность, безответственность в сексуальных отношениях, гомофобия, эгалитарные отношения полов. В частной беседе писатели рассказывали, что, если с изданием этих книг проблем не было, то во время встреч с подростками в школах хорошо видно, как учителям, библиотекарям важно не допустить разговора на эти темы — работает механизм замалчивания, запрета на обсуждение того, чего «как будто бы нет».

Для переводной литературы, которая для российского читателя часто становится «зоной ближайшего развития», то есть возможностью удовлетворить потребности в разговоре на недоступные пока в отечественной литературе темы, табу тоже оказывается проблемой, а точнее барьером на пути к читателю. Вполне допустимое для шведского или американского автора в произведении для тринадцатилетних описание первого сексуального опыта обернется в переводе либо купюрой, либо маркировкой 18+. Достаточно часто, по признанию переводчиков и издателей, присутствие в подростковой повести темы секса делает книгу просто «непереводимой» на русский язык.

Амраева А. Я хочу жить / Аделия Амраева. М.: Аквилегия, 2018.

Белова А. Все делают это: для младшего школьного возраста / Алла Белова; текст Бориса Войцеховского. М.: Самокат, 2018.

Бейртен Э. Беги и живи / Элс Бейртен; пер. с нидерландского Екатерины Торицыной. М.: Самокат, 2018.

Бенджамин А. Доклад о медузах / Али Бенджамин; пер. с английского Ольги Варшавер. М.: Самокат, 2019.

Бреен М., Юрдал Й. Свобода, равенство, сестринство. 150 лет борьбы женщин за свои права / Марта Бреен; илл. Йенни Юрдал; пер. с норвежского Евгении Воробьевой. М.: Самокат, 2019.

Бурегрен С., Линделл Э. Что мы празднуем 8 марта / Сасса Бурегрен, Элин Линделл; пер. со шв. Е. Теляшиной; худож. Э. Линделл. М.: Albus cognus, 2017.

Вильке Д. Шутовской колпак / Дарья Вильке. М.: Самокат. 2013.

Громова О. Сахарный ребёнок: история девочки из прошлого века, рассказанная Стеллой Нудольской: [для сред. и ст. шк. возраста: 12+] / Ольга Громова; ил. М. Пастернак. М.: КомпасГид, 2014.

Доуцк Д. Голос / Дарья Доуцк. М.: Самокат, 2016.

Жвалевский А., Пастернак Е. Грабли сансары / Андрей Жвалевский, Евгения Пастернак. М.: Время, 2019.

Жвалевский А., Пастернак Е. Пока я на краю / Андрей Жвалевский, Евгения Пастернак. М.: Время, 2016.

Жвалевский А., Пастернак Е. Я бы на твоём месте / Андрей Жвалевский, Евгения Пастернак. М.: Время, 2018.

Кивиряхк А. Весна и кашка / Андрус Кивиряхк; илл. Хейки Эрниц; пер. с эст. Татьяны Верхоустинской. 4-е изд. Таллинн: «Vagrak», 2017.

Зенькова А. С горячим приветом от Феклы / Анна Зенькова. М.: КомпасГид, 2020.

Климова Е. Настоящая девчонка. Книга о тебе / Лена Климова; илл. Влады Мяконькиной. М.: Самокат, 2019.

Мурашова Е. Класс коррекции / Екатерина Мурашова. М.: Самокат, 2004.

Мюрай М.-О. Спаситель и сын. Сезон 1 / Мари-Од Мюрай; пер. с французского Екатерины Кожевниковой, Марианны Кожевниковой. М.: Самокат, 2019.

Нанетти А. Мой дедушка был вишней / Анджела Нанетти; художник: Светлана Минкова; пер. с итал. Анны Красильщик. М.: Самокат, 2019.

Нильсон У. Прощайте, Господин Маффин! / Ульф Нильсон; илл. Анна-Клара Тидхольм; пер. Марии Лаптевой. М.: Белая ворона / Albus corvus, 2019.

Нильсон У. Самые добрые в мире / Ульф Нильсон; илл. Эвы Эриксон; пер. со швед. А. Поливановой. М.: Самокат, 2007.

Ногес А. Парко / Алекс Ногес; илл. Гуриди; пер. с испанского Сергея Петрова. М.: Белая ворона / Albus corvus, 2019.

Парр М. Вафельное сердце / Мария Парр; пер. с норв. Ольги Дробот; илл. Аня Леонова. М.: Самокат, 2020.

Рихтер Ю. Щучье лето / Ютта Рихтер; илл. Евгении Двоскиной; пер. с нем. Святослава Городецкого. М.: КомпасГид, 2013.

Розофф М. Как я теперь живу / Мэг Розофф; пер. с англ. Ольги Бухиной, Галины Гимон. М.: Белая ворона / Albus corvus, 2018.

Романовская Л. Сиблинги / Лариса Романовская. М.: Самокат, 2019.

Сучкова А. Приключения какашки / Анна «Lumbricus» Сучкова. СПб.: Комильфо, 2012.

Старк У. Звезда по имени Аякс / Ульф Старк, илл. Вирсен Стина; пер. с швед. Марии Людковской. М.: Мир Детства Медиа, 2009.

Старк У. Моя сестренка — ангел / Ульф Старк, илл. Анна Вронская; пер. с швед. Ольги Мязотс. М.: Центр Нарния, 2007.

Старк У. Чудаки и зануды / Ульф Старк; илл. Анна Вронская; пер. с швед. Ольги Мязотс. М.: Самокат, 2007.

Фрид А., Гляйх Дж. А дедушка в костюме? / Амели Фрид; илл. Джеки Гляйх. М.: КомпасГид, 2010.

Хольцварт В. Маленький крот, который хотел знать, кто накал ему на голову / Вернер Хольцварт; илл. Вольф Эрлбрух; пер. О. Винокуровой. М.: Мелик-Пашаев, 2014.

Яковлева Ю. Дети ворона: 1938 год. Ленинградские сказки: книга первая / Юлия Яковлева. М.: Самокат, 2016.

Примечания

- ¹ Федеральный закон от 29.12.2010 N 436-ФЗ (ред. от 01.05.2019) «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.10.2019) Статья 10. Информационная продукция для детей, достигших возраста шестнадцати лет. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108808/2025d6422eaf7de29d5df80a9eab6a678833b9c2/ (дата обращения: 07.05.2020).
- ² «Идущие вместе» — российская молодёжная организация, созданная Администрацией Президента России, существовавшая в России в 2000–2007 гг.
- ³ Аромштам М. Какашки в детской литературе // Папмамбук. 2012, 20 сент. URL: <https://www.papmambook.ru/articles/321/> (дата обращения: 30.05.2020).
- ⁴ На русском языке книга вышла в издательстве «Иностранная литература» в 1960 году в переводе Риты Райт-Ковалёвой и с предисловием Ильи Эренбурга. В 1994 году в издательстве «Рудомино» со вступительной статьёй Вячеслава Иванова было издано расширенное издание 1991 года в переводе М. Новиковой и Сильвии Белокриницкой. В 2019 году на русском языке вышел графический роман «Дневник Анны Франк» Ари Фольмана и Дэвида Полонски в издательстве МИФ.

Ekaterina Asonova

Moscow City Pedagogical University

TABOO OR NOT TABOO, THAT IS THE QUESTION!

This article researches the adult readers of children's books and their approach to such topics as portraying cruelty, death, sex, physiological details, and the manifestation of bodily functions. This material allows to see the diversity of "taboos" in children's reading. Cruelty and various dangers in the real life of children and teens are in the "blind spot" of both society and literature; at the same time, death and bodily functions, that are seen as unappropriated for children's reading, have been widely discussed in society without taboos and stigmatization. The author of the essay identifies four areas of taboo in the field of contemporary children's literature, ranking them from imaginary taboo to truly forbidden, and reflects on the reasons that affect this ranking. The research material was the books of modern domestic and foreign authors, published over the past few years. These are novels, novels, short stories and picture books by authors such as O. Gromova, W. Nielsen and E. Erickson, U. Stark, A. Fried and D. Gleich, A. Belova and D. Wojciechowski, V. Holzward and W. Erlbruch, A. Kiviryahk, etc.

Keywords: Taboos in children's literature, taboo topics in children's literature, modern children's literature, regulations governing children's literature, physiology in children's literature, sexuality in children's literature, political repression in children's literature, death in children's literature